

ОТ САЙГОНА ДО ТРЕУГОЛЬНИКА

ОЗНАКОМИТЕЛЬНЫЙ
ФРАГМЕНТ

Скифия
Санкт-Петербург
2012

УДК 82-31

ББК 84 (2 Рос = Рус) 6

ОТ САЙГОНА ДО ТРЕУГОЛЬНИКА

О 80 От Сайгона до Треугольника. — СПб.: Издательско-Торговый Дом «СКИФИЯ», 2012. — 240 с.

Сборник рассказов «От Сайгона до Треугольника» познакомит читателей с жизнью обитателей легендарного заведения на углу Невского и Владимирского проспектов — кафе «Сайгон» и проведёт по знаковым местам неформального Ленинграда конца 80-х годов XX века.

Книга даст возможность почувствовать атмосферу это живого человеческого сообщества, объединенного не столько общим местом, сколько общим образом жизни и мысли. Сайгон жив до сих пор, несмотря на то, что кафе давно закрыто и даже той страны, в которой кафе находилось, уже нет. Слишком много мифов и легенд создается вокруг и авторам хотелось бы оставить «залог достойнее себя», рассказать о людях и местах, которые сами о себе уже ничего не скажут.

ISBN 978-5-903463-90-9

© Коллектив авторов., 2012

© ИТД «СКИФИЯ», 2012

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Тут дело не ново — словить это Слово,
Ты снова, и снова, и снова лови.
Тут дело простое — нет тех, кто не стоит,
Нет тех, кто не стоит любви.

СашБаш

— Видите — растет дуб?.. Вон тот,
огромный... Прекрасный собеседник для
вас: ему тоже лет пятьсот...

— Уже пятьсот? Боже! Я ведь помню
его еще желудем...

*Г. Горин,
«Дом, который построил Свифт»*

Друзьям-восьмидесятникам, с любовью и ностальгией, — посвящается.

ДОМ У ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ

Саше-Джону, дорогому моему другу

Интересное свойство памяти: оглядываясь назад, вспоминается что-то совсем обыденное, что, однако, несет на себе особенный отпечаток того периода — обычно это детство или юность, так как зрелость можно вспоминать лишь в старости, когда память уже совсем плоха, а воспоминаний о старости не бывает по определению.

Вот, например, один самый обыкновенный день из жизни Дома у Железной Дороги. Конец восьмидесятых, Ленинград, железнодорожная платформа «Озерки».

Русличек, отрок с золотистыми локонами галисийского ваганта до плеч, допив при первых проблесках зари вермут, надевал косуху и забивал косяк, коих круглым счетом с утра бывало до семи кряду: это называлось — «на ход ноги». До сих пор для меня загадка, как ему удавалось после этого сохранять подвижность членов, довольно изрядную, если судить по грохоту его мартинсов на лестнице. Снизу раздавался зычный бас: «Ребята, еб вашу мать, дом спит!», затем появлялся его обладатель — хозяин нашего пристанища Митрич, могучий старикан в неизменных майке, выцветшей до неопределенно-сизого цвета, и труселях со вполне определенными желтыми разводами по всей поверхности.

Кроме шалыпинского баса, Митрич был обладателем справки дурака, что давало ему право на пенсию и разные причуды. Одной из них, не самой опасной, зато наиболее

заметной, была дубовая домовина посреди нижней общей комнаты, аккуратно над дырой в полу, откуда, отчаянно суча лапами по осклизлым крашеным доскам, заходили с улицы наши кошачьи — Ниггер и Шишка. На домовину Митрич накопил, собирая с многочисленных гостей по рублю за каждое посещение уборной: следил он за этим строго, зорко сторожа отхожее место.

Довоенный, собранный из заготовок для шпал, а потому пропахший креозотом дом, доставшийся Митричу от отца, железнодорожного служащего, стоял прямо на станции «Озерки» — с платформы два раза налево, угловой участок. К обеду он заполнялся брейгелевскими персонажами — выползали те, что остались с ночи, приползали новые в поисках вписки, какой-нибудь жратвы или просто чтобы день не прошел зря: охота к перемене мест была в этих кругах признаком хорошего тона, поэтому легкость на подъем ценилась особенно среди прочих видов бытийной легкости. Митрич, удовлетворенно крикая, сшибал целковые. Раз в кислотном приходе он примерещился мне в тоге и венце императора Веспасиана, тоже большого любителя отхожих, так сказать, деньжат. Позже я увидел бюст античного героя в Лувре — сходство оказалось разительным, от мясистых ушей и горбатого шнобеля до обширной плечи на лбу.

Легко быть лириком в Сорренто, когда справа Тирренское море, а слева — Везувий и Помпеи. А если выпало родиться и жить на Дыбенко, или, скажем, Электросиле, так элегично воспетой Игорем Рыжовым, то лиризм сам по себе — почти подвиг. Решившийся на него приобретает моральное право на неконформизм, анархические склонности и социопатию вместе взятые. Мне, с моими южными корнями, было еще свойственно жизнелюбие, и нужно было сообразить, как комбинировать вновь приобретенные свойства с присущими. Получался странный гибрид —

на косуху впору было нашивать газыри, отросшие жесткие волосы не укладывались в понятие «хайры» — и вообще никак не укладывались.

С нашим естественным гормональным стремлением к непохожести мы стали выражением идеологического бессилия режима, внедрявшего суровую походную эстетику. Да оно бы и ладно, и в поход за лазоревые дали мы, может, и согласились бы, отдавать землю неведомым крестьянам в загадочных и прекрасных Гренаде, Севилье или, скажем, Гватемале. Беда была в том, что власть разучилась (а может, никогда и не умела толком) организовывать походы — афганский мажор зримо это подтверждал. Надменное безмолвие седых отрогов Гиндукуша было ответом на агитпроповскую трескотню. Черные знамена Хорасана стали новыми символами планетарной революции — и вполне закономерно: пролитая кровь перестает быть алой и чернеет спустя недолго, как известно.

Сайгон был нашей отправной станцией. Мы выбрали трип на запад, где джинса, винил, хайры, герлы, мэйк лав нот вар — и не ошиблись. Мы победили в этом трипе, но вернулись из него не все — лучшие остались на полях сражений, их косточки разбросаны на огромном пространстве от Котласа до Чуфут-Кале, и, кроме нас, некому их помянуть нечастыми тихими встречами, нет, не пью, спасибо — доктора, да, курить тоже запретили, ничего, нормально все, детишки, работа, а помнишь Бегемот под калипсо с крыши на Володарского сиганул, все высадились жутко, а он внизу на чужом балконе в отключке, еле вызволили, там тетка мусоров вызвала, но Руст дверь парадной шваброй заблокировал, да... Давно уже нет Бегемота, похоронен он на пригорке винного совхоза «Темпельхоф» среди тучных виноградников степного Прикумья, и та его смерть понарошку, долго веселившая нас после, вспоминается чаще, чем настоящая — тихая, в нищете, от истощения и передоза...

Помню тот поздний июльский вечер, и мою первую настоящую любовь, последнее долгое объятие перед разлукой, бегом к платформе, свист отходившей электрички, станция «Удельная» — Мосбан — кисловодский поезд — война — внезапная страсть к репортерству — эмиграция — и вдруг пронзительное, до судорог, желание увидеть то, о чем и думать забыл, откуда ушел много лет назад, не зная, что больше никогда сюда не вернусь...

С тех пор я не был в Доме у Железной Дороги. Говорят, его уже нет, сейчас там — престижный район, и новым декорациям нужны другие персонажи, а прежние исчезают, как бывает при печатании фотографий, если передержать их в проявителе. Остались только несколько фенечек, потерянная бандана и пачка перевязанных бечевкой писем. И что-то еще, из-за чего я сейчас, через почти четверть века, пишу эти строки.

М. Темиров,
поезд Минск — Варшава, ...надцатые

ЧТО ТАКОЕ БЫЛ САЙГОН, или преамбула для непосвященных...

(Эта книга о «пионерах» и написана «пионерами»)

Город каменный дождик вымерзил,
Душу вымучил, мысли — вон.
Гой-еси, проспект ты Владимирский,
Гой-еси, родимый Сайгон!

Мразь питейная, окаянная
Матерится в табачный смак —
Эх, Литейная, ох, Стремянная,
Мне бы тросточку — да в кабак!..

Где же взять ее, эту тросточку,
Подскажи ты мне, милый друг?
Боже, смилуйся!.. Только Господу —
Недосуг, видать, недосуг..

Тимофей Животовский

«...Они все уйдут. Сказав: до свидания, ты переходишь через мост, но оборачиваешься и пытаешься с другого берега Фонтанки поймать нервный взгляд своего друга. А его там нет. Ни друга, ни взгляда. Только голый бронзовый мужик пытается удержать своего коня.

На улице Рубинштейна ты примеряешь на себя другой образ жизни. И тени Пяти Углов перестают быть стихами молодого поэта. Они становятся пьяньейкой реальностью. И ты плохо различаешь лица своих собутыльников из-за разъедающего глаза табачного дыма».

Катя Зац Лебедева +

Перед тем, как пуститься в пространные разъяснения, я обращаюсь к своим замечательным сайгоновским друзьям:

— Друзья! я не спятила, со мной все в порядке! У меня нет звездной писательской болезни или приступа «олдомании» — тяжелое и практически неизлечимое заболевание, свойственное людям со стажем тусовки; я — пионер, им и умру! И я не собираюсь вступать в ряды специалистов, рассуждающих о «культуре неформального Петербурга». Боже упаси!

Просто недавно один хороший человек, прочитавший книгу Рыжова «Питерский битник» вдруг задал мне вопрос:

— А что такое «Сайгон»?

И тут я малость подрастерялась. Дело в том, что мы, сайгоновцы, ужасно боимся этого вопроса. Когда мы его слышим, то, или впадаем в слезливый пафос, восклицая в духе Паниковского:

— Бендер! Вы не знаете, что такое Гусь, пардон, Сайгон!.., — после чего у нас начинается длительная словесная диарея.

Или же второй вариант: мы мрачнеем, скрещиваем на груди руки и запираем болтливые рты на замок (пытай гестапо партизана, где — он не скажет никогда!). И тогда выдать из нас хоть каплю полезной информации практически невозможно. Разве что напоить, но тогда мы придем к варианту № 1.

Поэтому мне хочется избежать и первого, и второго.

Перед тем как начать писать эту заметку, мне стало интересно: а что говорят об оном месте другие хорошие люди? И обнаружила нечто забавное. Большинство статей написано или мэтрами, Ставшими Великими, или же стремящимися туда же. Читая их, создалось впечатление, что «всяк туда входящий», без исключения, был на короткой ноге с Цоем, БГ или Курёхиным (*бывало, говорю ему: «Ну что, брат Пушкин?» — «Да так, брат, — отвечает, — так как-то все...»*),

а вообще, «скучненько, место как место». Что ж, то взгляд «сайгоновцев солидных». И он имеет право быть.

Мы же знали совсем иной Сайгон — немзыкальный, нелитературный, бытовой, наш собственный. Мы были пионерами Сайга, его молодой шпаной.

И так как время в этом плане нас ничуть не изменило, мы подумали, что неплохо было бы издать свой собственный сборник — как альтернативу толстеному академическому талмуду «Сумерки Сайгона» (2009 г.). По правде говоря, люди, прочитавшие «Сумерки Сайгона» от начала и до конца, вызывают у меня такой же трепет и уважение, как и те, кто смог осилить всего «Улисса» Джойса.

Мы решили, что не хотим остаться в глазах потомков «учеными обезьянами» (пусть авторы «Сумерек» не обижаются, это образ собирательный, не личный!). Кроме того, у нас появился шанс показать себя такими, какие мы есть — живыми, со своими достоинствами и недостатками, рассказать о тех, кто про себя уже ничего не скажет никогда; чтобы не было иллюзий относительно ушедшего сайгоновского века, но чтобы дух его остался.

Мы не хотим приукрашивать или поэтизировать реальных персонажей, в этом нет необходимости. Мы лишь попытаемся рассказать: каким БЫЛ Сайгон, ТА жизнь, ТОТ город в наших глазах. Добавлю еще, что Сайгон мы решили показать «разными глазами», так как авторов у нас четыре: Викша, Мать Наталия, Бэм Счастливый и Игорь Рыжов (*названные имена — это не только тусовочные прозвища; например, Счастливый и Рыжов — настоящие фамилии — прим. редактора*), пишут они в разной манере, и одни и те же места или герои у них тоже получились разные. А если нас потом упрекнут, что кроме пьянства, блядства и дешевого эпатажа, мы ничего лучшего там не разглядели, отвечу — и эта сторона медали у Сайгона тоже была, и отрицать сие невозможно. Другое дело — что, прочитав книгу, каждый увидит в ней

свое. Нам же близка позиция Бабеля, что Солнце, освещая выгребную яму, всегда остается солнцем.

Я постоянно использую слово «Сайгон», но подразумеваю здесь не только кафе на углу Невского и Владимирского. Это и Эльф, и Казань, и Треугольник, и Паперть, и многочисленные вписки-сквоты-коммуналки, где можно было переждать ночь, а утром опять вернуться туда, к престолу.

Мы пришли в восьмидесятых, за несколько лет до его закрытия. Мы были его последней, девятой волной. И волна эта оказалось такой мощной, что прокатилась сквозь все последующие годы.

Значит, в этом месте все-таки что-то такое было?! А иначе, зачем бы нам до сих пор встречаться на «Маленьких двойных» (низкий поклон Кэт за их организацию!), дружить, любить друг друга? Мы были больны Сайгоном и не захотели излечиться.

О нас говорили, что мы развалили и испортили своими розовыми пионерскими щеками это прекрасное место, что мы чуть ли не варвары, хлынувшие ордой на обломки Империи. Но мы любили Сайг, и Сайг любил нас.

Нас трахали, и мы трахали. Мы пили и курили всякую дрянь по окрестным сайгоновским параднякам, мы писали паршивые стихи, да и вряд ли с годами они стали лучше. Мы были прекрасны, несмотря на свои драные штаны и слишком юный вид...

Мне запала в память чья-то фраза, что «Сайгон был как суррогат семьи». Но «суррогат» означает неполноценную замену, а Сайг, наверное, и был нашей Семейей.

В день закрытия Сайгона время остановилось. Я помню, как мы стояли у закрытых дверей, и народ все подходил и подходил, и все чего-то ждали. Чуда, наверное? Никто не мог поверить, что вдруг все так закончилось. А потом потихоньку начали разбредаться — кто в Гастрит, кто ближе к Мосбану,

кто-то перебрался в «Крысу» на Литейный. Было такое ощущение, что нам подрубили ноги.

Я неспроста поместила в начале нашей книги эти два отрывка: из стихотворения замечательного поэта Тимофея Животовского и зарисовки покойной Кати Зац. В них, на мой взгляд, заключена вся суть и идея книги.

Их авторы, разумеется, тоже были завсегдаятами Сайгона. Про Тимофея рассказывали в то время хороший анекдот: как однажды он приехал с поэтической компанией на пленэр, в Стрельну или Петергоф, не суть важно, куда там обычно ездят поэты? Важно, что Тимофей был сильно похмелен и утомлен. Один из соучастников подбадривающее сказал Животовскому: мол, Тима, что ж поделать, *са ва...* (*Sa va*), — подразумевая трудности жизни вообще. На что Тима вдруг оживился, завертел головой и спросил: — Где СОВА???

Ну вот, начала рассказывать и вдруг вспомнила, как осенью 1988 года я впервые увидела Животовского — круглолицый Тимофей, двигаясь от Эльфа по Стремянной под ручку с Оленькой Карпинской, задвинув шляпу на затылок, громко читал стихи своим картавым голосом.

Меня тогда даже не сами стихи поразили (хотя они были очень хороши, даже сквозь толщу лет это помню!), но что человек вот так, просто, идет по улице и громко читает их вслух — не важно кому, жене, себе, прохожим, собакам... В этом была удивительная свобода, парение над серой, однородной массой. Ведь даже громко разговаривать на улицах было тогда не принято, вся страна жила вполголоса. Читать стихи — исключительно проверенный репертуар — разрешалось лишь на социалистических праздниках, да на пьяных свадьбах. А тут было нечто совершенно новое, как глоток свежего пива или чистого воздуха, кому какое сравнение больше нравится.

Со стороны Сайгон напоминал муравейник — единый живой организм, наделенный разумом. Люди входили внутрь,

выходили с чашками кофе, закуривали сигарету, заговаривали друг с другом, что-то спрашивали, снова заходили — такое броуновское движение продолжалось целый день, усиливаясь в вечерние часы и затихая утром или днем. Наверное, ни в каком другом городе, окромя Питера, ничего подобного не могло возникнуть. Знаю, сейчас закричат про КГБ, и что «так за нами было удобнее следить», я все это слышала. Знаю. Но речь сейчас не об этом.

Кто-нибудь здесь еще помнит, что такое в 80-х годах было выглядеть «не как все»? Вас в отделение милиции «за облик, порочащий...» не приводили? Волосы на улице ножницами постричь не пытались? Из школ и институтов не выгоняли? От гопников на Казани или Ротонде не отбивались?

Одиночки не выживают в этом мире, таков закон. Их калечат и добивают. Мы не были одиноки, потому что у нас был Сайг! У нас были мы.

Пролетели годы. Сайгон давно уже стал мифопоэтическим явлением, частью питерских сказок и легенд.

Казалось бы, Его больше нет, есть лишь миф, сильно украшенный очевидцами. Но этот миф такого рода, что без него невысказана музыкально-поэтическая архитектура Города.

Вне всякого сомнения, рано или поздно о Сайгоне начнут писать серьезные исследования и научные работы, примерять и одевать на него различные одежды и маски. Пускай же наша книга будет самой несерьезной в этом гипотетическом ряду.

Сайг не закрыли, как нам когда то казалось. Он есть, он существует в той стране за гранью — Стране питерских Мифов и Легенд.

Персонажи его хроник давно уже сами стали частью Города, местными *genius loci*. Забавные, если вдуматься, Ангелы у Петербурга.

Они ушли и растворились в нем навсегда, вошли в его туман, они пролетают над Треугольником и Мойкой, их шаги до сих пор звучат по брусчатке мостовой, следуют проходными дворами, мостами, льдами Екатерининского канала...

Я хочу закончить свою вводную часть, а значит, наконец, начать саму книгу словами одного из ее авторов и героев — Игоря Рыжова. Он тоже ушел, но оставил свои зарисовки и материалы для этой книги, потому что предвидел ее появление. А значит, за него это сделаю я.

«Жить, вообще — вредная привычка. Особенно, когда пристрастишься, а на отходняках — ломает...»

Просто приятно, никуда не торопясь, не спеша идти от “Маяковской” вниз, бесцельно... Маленький двойной, вечная сигарета рядом с телефонной будкой, постоянное предчувствие ВСТРЕЧИ с кем-то (то ли с Запой, то ли с Буддой), и обтекаемость противного, но относительно милого, гегемона, пока он без поддержки сподвижников в погонах и в штатском, струится тихо по домам, а не по нашим харям и карманам...

Вся жизнь становилась ближе, ей-Богу, здесь, а не в Париже! Нога утопает в точке возможных вариантов развития сегодняшнего вечера, но бифуркация хороша у Павича или Кундеры: возврат домой, к престолу неизбежен... Иллюзия освобождения и экзистенции, если угодно, то есть реального существования и воплощения сущности — вот чем был и останется Сайг!...

Он просто был Мечтой, и ею будет. Убью того, кто забудет!»

Александра «Джон» Ширяева,
2012 г.

P. S. и о «глоссарии»:

Посоветовавшись, мы, то есть авторы, пришли к единому мнению: словарiku быть! Иначе непосвященные или слишком юные читатели (ведь могут быть и такие, теоретически!) начнут тормозить в процессе прохождения книги, путаясь в непонятных «географических» названиях и оборотах речи, ставших уже анахронизмами.

Тормозить, ей-Богу, никому неохота, вкупе с подспудным желанием авторов не прослыть окончательными жлобами!

Словарь будет недлинным, не бойтесь! В конце концов, почти в каждом доме сейчас есть интернет, и он подскажет вам, если мы что-то пропустили.

- «*Эльф*» — одноименные кафе и сквер на углу Стремянной улицы и Дмитровского переулка.

- «*Казань*» («*Собор*») — Казанский собор, его ступени и сквер напротив.

- «*Треугольник*» — три скамейки на Адмиралтейской набережной, напротив дома №6. Белыми ночами там соби­рался народ, и обязательно кто-нибудь играл на гитаре.

- «*Паперть*» — католическая церковь св. Екатерины, рядом с которой в 80-х годах собиралась питерская неформальная тусовка, художники и музыканты. Церковь находится на Невском проспекте, дом 32–34.

- *сквот* — нелегально занятый дом с неформальными обитателями, нечто вроде арт-коммуналки (см. рассказ Бангиса Счастливого «Голод»).

- «*Гастрит*» — «кафе-автомат» на углу Невского и улицы Рубинштейна. Место заправки халявными ништяками (см. рассказ Н. Полянской –Токаревой «Гастрит и ништяки») и изредка бутылочным пивом.

- «*Крыса*» — «Кофе по-восточному» — кафе на Литейном проспекте, недалеко от ул. Белинского. Славилось Пьяным садиком за «спиной» кафе. Действие фильма «89» начинается как раз в «Крысином дворике».

- «*Ротонда*» — круглое помещение парадной лестницы в бывшем «доме Евментьевых», легендарное тусовочное место с отличной акустикой на углу Гороховой, 57 и набережной Фонтанки, 81.

ВИКТОРИЯ ВИНТЕР
(ВИКША)

«ПРУХА ИЛИ НЕПРУХА?»

Горбачев в сопровождении председателя Ленгорисполкома Зайкова проезжает мимо Московского вокзала. На тротуаре валяется пьяный.

Горбачев:

- Смотри, что у тебя делается.
- Это не наш, Михаил Сергеевич, — отвечает руководитель Ленинграда, — это москвич.
- А ты откуда знаешь?
- Наши в таком виде еще работают.

Н. Синдаловский, «Мифология Петербурга»

Перефразируя классика, когда мы были моложе, один Сайгон тому назад, была у нас такая чудная штука — прухометр. Дивный прибор (не знаю, чей патент) представлял собой циферблат со стрелками, у кого победней — намалеванный на бумаге, у кого побогаче — купленный в ДЛТ в отделе игрушек. (Кстати, знаете, почему наш фирменный магазин так по-дурацки называется — Дом Ленинградской Торговли, — хотя, по правилам великого и могучего, должен быть Ленинградский Дом Торговли? Да очень просто: во втором случае аббревиатура ЛДТ совпала бы точь-в-точь с инициалами классового врага — Льва Давидовича Троцкого; отсюда и выросла в конце тридцатых годов прошлого века таинственная «ленинградская» торговля). Так вот, детский игрушечный циферблат со стрелками был фирменной фичей именно ленинградской торговли, как волчок с лошадкой чегекашников — московской.

Принцип работы прибора — исключительно демократический. Циферблат висит на стене в прихожей. Всяк

входящий работник выставляет на нем вручную индикатор своей прухи — от «зашибись» — на полдень, до бездны упадка на полшестого. А к окончанию рабочего дня, в зависимости от того, где находится коллективно упорядоченный индикатор, посылают гонца в магазин — ибо если на полшестого, то непременно надо выпить, и пруху поднять, а если на полдень, то тем более необходимо — дабы пруху не уронить.

Это я к чему? ДЛТ переименовали в ЦУМ, уж не знаю, в честь какого классового врага (Цюрупа, Урицкий, Маленков — с бодуна они там все с глузду зыхалы?), на месте Сайгона теперь отель Рэдиссон, но давайте поднимем бокалы на 1 2.00, ради общей прухи, когда солнце в зените, и чтобы никто не ушел обиженным. Хотя бы в этой книжке, пока еще в нашей силе открутить циферблат туда, где Леннон такой молодой, и очередь за кофе заменяет страничку в Фэйсбуке.

Поехали?

«ТЫ ПОМНИШЬ, КАК ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ?»

Спросили тут друзья, а что такое — Сайгон? Я даже растерялась, а потом поняла, что, действительно, не все знают. Сайгон — это то, чем был андеграунд, пока не скатился в попсу. Вот что делает человек, впервые попавший в Петербург? По-радищевски, по тряской железной дороге, в купе у проводницы, за анекдоты и выпить, с рублем (если повезет) в кармане?

Не смейтесь, я помню время, когда рубль был целым состоянием. С рублем, как довлатовский Буш с лебедем, везд станешь желанным гостем. И с этим рублем ты выходишь на Московский вокзал и впереди себя видишь Невский. И ты, конечно, по этому Невскому идешь. И минут через десять приходишь к Сайгону. Не спрашивайте как, туда все приходят рано или поздно, что еще делать воспитанному человеку на Невском, с утра, когда Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина еще закрыта, а в ресторане у «Европейской», гад-швейцар? И вот, как Веничка Ерофеев на Курский вокзал, ты идешь к Сайгону. И там тебя ждут. Это парадокс, но там всех ждут. Миша Шелег, революционный бард, как-то написал: «Здесь варят кофе молотый, здесь не бывает холодно, ждет девочек, ждет мальчиков кафе для неудачников...» Кофе, кстати, здесь был едва ли не лучшим в городе. Двадцать восемь копеек — маленький двойной (это когда заварки вдвое, а воды на дюйм). Еще можно маленький четверной, но это уже пятьдесят четыре копейки. Сахар типа «дорожный», — до сих пор валяется где-то в подкладке плаща, сквозь дыру в кармане провалился, чуть-чуть растворился под дождем и окаменел.

Изначально это был кафетерий от ресторана «Москва», его еще «Подмосковьем» называли. А потом как-то сразу и навсегда стал Сайгоном, говорят, какой-то начитанный милиционер разворчался на курящих девушек: «Что вы тут делаете, безобразие, какой-то Сайгон устроили!» Тогда война была во Вьетнаме, и наши политкорректные советские газеты вовсю обсуждали эту тему. И правда, не Новочеркасск же обсуждать?

Меня в Сайгон привела подружка из соседней английской школы. Ее папа-дипломат строго-настрого запретил ей туда ходить. Так прямо показал пальцем и велел не ходить. Вот до Аничкова моста, где Дворец Пионеров, кружок лепки и вышивания, — можно. До Московского вокзала, на «Красную стрелу», Мавзолей и Третьяковку смотреть — пожалуйста. А между дворцом и вокзалом приличные люди на остановке не выходят.

Мы поехали туда после школы, прогуляв физру, когда папа-дипломат с одной стороны боролся за свободу угнетенных народов в дальней командировке, а папа-кораблестроитель, с другой стороны, боролся за укрепление обороноспособности на Баренцевом море. А мамы у нас были покладистые, и в случае двойки за прогул хватались за вальерьянку, а не за ремень.

И да, у нас был рубль. Сэкономленный на школьных завтраках, как водится. Мы собирались его пропить на кофе, и, если повезет, посмотреть на диссидентов.

Нам не то чтобы совсем не повезло... дело в том, что у милиции в разнарядке на этот день тоже, очевидно, стояло посмотреть на диссидентов. А подвернулись заодно и мы. Так мы и попали в первую в жизни милицейскую облаву. Нет, вру, не первую — первая была, когда я на спор в пятом классе из Солдатского садика под Юсуповский дворец лезла подземным ходом — которым еще Распутина тащили, а потом заколотили наглухо в назидание потомкам. В общем, я долезла почти, спорила американку с соседом по парте, он мне

жутко нравился тогда — но милиционеры успели раньше. Так я и не увидела подземных богатств князя Юсупова.

Значит, это была вторая облава в моей богатой на события жизни. Бежать некуда, да и позорно, да и мы на каблуках, девочки-красавицы, в школьной форме с портфелями — никаких условий для низкого старта. Пришлось встретить врага лицом к лицу. Лица не увидеть, большое видится на расстоянии... «Документы!» — рыкнуло большое. А фигли, у нас в школе и не так рычали — физичку нашу услышишь, вообще обделаешься. Как сейчас помню: «Дррряны! Стоять!» — и полшколы оборачивается.

Мы с Маринкой пожали плечами и сунулись в портфель за единственным удостоверением личности школьника. И протянули стражу дневники. Дядя Степа зыркнул недоверчиво, но что поделаешь, пришлось отреагировать — и низ страницы украсила четкая формулировка: «Задержана на углу Невского и Владимирского за бесцельное времяпровождение. Ст. лейтенант Федорищенко».

Жаль, тот мальчишка, сосед по парте, уже перевелся в спортивную школу — рейтинг от Федорищенко мог бы, пожалуй, затмить распутинский позор, — и даже вынести меня на уровень местных знаменитостей... увы, Сашка перевелся, а на его месте сидел теперь Дима-футболист, красавец, комсомолец, *ты носишь постоянно бело-синий бадлон, и ночью и днем, ты говоришь об одном, Зенит, Зенит-чемпион, Зенит, Зенит-чемпион...* Пришлось соответствовать.

Но федорищенковский опус мы с Маринкой все же зажилили, среди артефактов нашего детства. А Сайгон закрыли навсегда в 1989 году.

КОРОЧЕ ЧЕМ У ВЕЛЛЕРА

Веллер говорит, что большинство своих историй он черпал в Сайгоне. Этому можно верить, Сайгон — микрокосмос, и чем он от нас дальше, тем интереснее оттуда черпать.

Сначала там был гадюшник, потом итальянская сантехника, теперь молодые рок-хлюсты торгуют видео и аудио, и будет жаль, если этот пяточок на углу Невского и Владимирского, где так удобно встретить старого друга, останется невоспетым. Мы заходили в Сайгон, когда другие выходили из «Шинели», и у нас были свои фольклорные фигуры.

Вот, например, Витя Колесо. Невский без него — как Собор Парижской Богоматери без Квазимодо. Колесо был героем множества анекдотов, я выберу из них наиболее пристойный. Сидит Колесо на приступочке у Сайгона и курит. А мимо идет интеллигент (то есть, в пальто, шляпе и очках) и читает газету. А дальше по Владимирскому — открытый люк. И Колесо кричит, заикаясь, и руками машет:

— О! О! О!

Интеллигент, конечно, ноль внимания, подумавшись, сидит пьяный у Сайгона. Даже ход ускорил, и — гоп! — в открытый люк. Колесо, справившись с волнением, договаривает облегченно:

— О-п-паньки!

Другая сайгоновская фигура — оперуполномоченный Каушанский. Из отдела по борьбе с молодежью. Каушанский сидел обычно в штатском, мрачно насторожившись, и ждал, пока кто-нибудь, расслабившись, чего-нибудь не сболтнет. Выглядел в общем и целом, как Гениальный Сыщик из «Бре-

менских музыкантов». Мы относились к нему бережно, поздравляли с Днем Чекиста. Поскольку Каушанский ходил замаскированный, узнавать его не полагалось.

И вот стою я в очереди за кофе и не узнаю Каушанского, который сидит за столиком, на одном из трех сайгоновских стульев под вывеской «Для инвалидов». Рядом — две бабули, попивают кофе и ждут третью, самогонщицу бабу Любу, крикунью и скандалистку.

Появляется баба Люба, и конечно, начинает шпынять Каушанского, чтоб ей место уступил. Пожилой человек, понимаете, стоит, а молодой, нахал, расселся и так далее. Каушанский в ус не дует, поскольку воспринимает бабу Любу как деклассированный элемент. Тактика на поражение.

Баба Люба выходит из себя:

— Тебя, бесстыжего, в милицию надо сдать!

Каушанский понимает, что ему грозит срыв операции:

— Тише, бабуля, тише, я сам милиционер.

Баба Люба расстроена и ошарашена:

— Тьфу ты черт, что ж ты за стол с людьми-то садишься!

ХАБИТУС

Эта была опять из сайгоновских времен, когда я еще не задумывалась о карьере биолога, а лекарский жаргон внушал осторожное почтение. Теперь-то я знаю, что все ученые слова, и особенно, неразборчивый почерк нужны для того, чтоб не допустить в гильдию людей с улицы. И пряников, кстати, всегда не хватало на всех.

История произошла с моей приятельницей Кэт, в просторечии Муркой, и ее мужем Владом, сайгоновским человеком с длинными волосами. Муркой Кэт называли за блестящее исполнение вечного уголовного хита на хипповский лад с английским акцентом. Пела Катя, надо сказать, тоже неразборчиво, по-лекарски, чтоб я случайно слова не увела. С моей-то слоновьей памятью. Перестраховка, кстати, излишня: у меня свои хиты были, пиратские.

А Влад заболел гепатитом. Обычным, который крысы переносят на лапках с яблока на морковку, с грейпфрута на ананас — мойте руки перед едой, и не забывайте про ананасы. Перепуганная Катя притащила его к врачу. Гепатиту у нас одна дорога — в Боткинские бараки. Но там выяснилось, что дорога разветвляется: тем, кто от крысы через яблоко — налево, а тем, кто через вену от приятеля — направо. Влад, с его длинными волосами, автоматически должен был идти направо.

— Так и запишем, гепатит «В», — пробормотала непреклонная тетушка-лекарь, которая в Боткинских бараках навидалась и не такого.

– «А» пишете, – возмутилась Катерина, – какого черта, он же не наркоман!

– «В», – упиралась лекарша. – Мне виднее!

– Да не кололся я, – не выдержал Влад, – мамой клянусь!

Усталая докторша медленно сдвинула очки на нос и выдала хит, который затмил в сайгоновском фольклоре и «Мурку», и ее акцент, и даже мои пиратские песни:

– Но вы же не будете отрицать, что ваш хабитус асоциален?

ЗИНГЕР, ДЕКАМЕРОН И ИВАН ИВАНЫЧ

Когда я была маленькая, моему ленинградскому чванству не было границ. Я могла спокойно заявить в любой компании: «А вы знаете, для чего в Ленинграде разводят мосты? Чтобы корабли, которые строит мой папа, могли по Неве проходить». Я была дочкой инженера-кораблестроителя.

Когда я выросла немножко, мое чванство стало плодоносить — появились глупые поклонники. Глупость их выразилась в том, что они непременно желали по всей форме представиться папе — как будто он по меньшей мере римский, а не Викши-одноклассницы папа. И чушь прекрасную несли. И папа, конечно, всех разогнал. Мотив: «Да найди ж ты наконец нормального, образованного человека, из Корабелки, а то липнет к тебе всякая гуманитарная дурь...» Во имя спасения от «гуманитарной дури» у нас целая библиотека стояла. Техническая. На нижней полке — БСЭ, над ней — десяти томник по теорфизике Лившица и Ландау, в просторечии Ландавшица. И так далее. Ландавшица папахен сам в какие-то изящные корочки вставил и аккуратным инженерным почерком тома надписал. Как все зануды.

Озлившись на папахена, я-таки задумалась над судьбой — а где ж найти кораблестроителя, когда вокруг — одни поэты? Наверно, в библиотеке, как героиня Муравьевой, в Москве, слезам не верящей. И чтоб за умную сойти, взяла я с горя полистать первого попавшегося Ландавшица. С папиной полки. Ну то есть самого первого.

Внутри первого тома оказалась переплетенная толстая тетрадка, а вернее, несколько — склеенных. На первой странице каллиграфическим почерком выведено: «Электро-механика. V курс». На второй: «Товарищ Сталин, вы большой ученый, в языкознании познавший толк...» — и бессмертные строчки Алешковского. А дальше — Кукин, Городницкий, Окуджава ... с аккордами для семиструнки. Визбор. Коржавин — «Какая сволочь разбудила Ленина?» Горбовский — «Когда фонарики качаются ночные...» Венецианский мавр Отелло — кто автор не знаю, но посмеялась от души. В основном, над почерком. Он был мамин. «Сюзанна» — с многочисленными «хе-хе», там, где полагались законные три буквы. (Почерк опять папин).

Во втором томе под обложкой Ландавшица был «Декамерон» Боккаччо. В третьем — «Сатирикон» Петрония Арбитра. В четвертом — «Золотой осел» Апулея. Потом — перепечатанные на машинке «Мастер и Маргарита»... В последнем томе оказался «Архипелаг Гулаг».

Кажется, в тот день я впервые по-тинейджерски уважала своих родителей. Тетрадку с песнями и стихами я перетаскала к себе сразу же, и, довольно мурлыча, стала подбирать найденные сокровища на шестиструнке. А чтоб папа не взволновался, в первый том таки подсунула настоящего Ландавшица — он во втором ряду на верхних полках обнаружился. Подмены предки не хватились, и я спокойно дотащила все остальное, восстановив справедливость. А научные труды великих вновь заняли подобающее им место.

Но поклонников я в дом больше не водила. Не доверяя их уму (ни один толком не смог изобразить корабеля и только понапрасну мотал нервы мне и папе). С поклонниками мы встречались в Сайгоне (как тогда было модно говорить, «на Сайге»). Гуманитарии в этом кафе явно победили технарей, и я не чувствовала себя отщепенцем.

Когда я выбрила виски, покрасила челку синькой, и обрезаю ступеньками черную кожаную юбку (сама сшила из лоскутков), родители обеспокоились всерьез. Мама начала глотать валерьянку, папа безуспешно искал ремень (толстый, кожаный — а фиг, я давно его свистнула и приятелю-панку подарила, ему нужнее) — и наконец, эти конформисты несчастные решили на меня повлиять.

Почему конформисты? Потому что на нижнем этаже жил полковник КГБ, который ходил к нам лопать чай с мамиными пирогами и играть с папой в шахматы. В нашем элитном доме, ему, видите ли, иного партнера не нашлось. А папа и поверил. Но это еще здоровый конформизм — фиг с ними, с пирогами, моя мама всех жалела, и угощала, в надежде, что отойдут душой (возня с дятлами — это у нас наследственное). Нездоровый конформизм был в том, что этим полковником меня пригрозили воспитать. (Ремень-то я сайгоновцам подарила).

Из чего я решила, что последний раз в шахматы они с полковником сыграли на мозги. И папахен мой — продул.

В тот исторический вечер ничто не предвещало беды. Папа, расслабленный после совместного чаепития, позвал доченьку в гостиную, где Ивану Иванычу предоставили вступительное слово. И этот хрыч в штатском занудил, как по учебнику: «Дочь таких родителей... ай-яй-яй... от рук отбилась... ой-ой-ой... гребень, гитара, юбка — оттуда ноги — уй-юй-юй, — несоветский облик, ведь враг не дремлет!! А отец, отец — на секретном заводе работает!! У него ж дома чертежи! Книги! А враг не дремлет, одурачит ребенка рок-н-роллом, сигаретку предложит, кассеты импортные принесет послушать, — а сам — неспроста! — научную мысль нашу с полки цап!»

...И как вы уже догадываетесь, на этих словах товарищ полковник переусердствовал — цапнул с полки Ландавшица, тем самым хищным движением. И наглядно показал, как ко-

варный заморский враг вчитывается в нашу научную мысль. Прямо в первый том. «Товарищ Сталин, вы большой ученый...»

Сказать, что папа позеленел, это ничего не сказать. Мама, не полагаясь на валерьянку, схватилась сразу за нитроглицерин. А меня прямо-таки расперло от гордости — я вспомнила из «Родной речи», в третьем классе, рассказ про отважную дочку героев-подпольщиков, как она, больная, с постели встала, и ничтоже сумняшеся патроны папкины из-под подушки вынула и в кувшин с молоком перепрятала. А потом полицейские-звери в дом ворвались, постель вверх дном перевернули — а в молоко слабо им. Храбрая была девочка. Чем-то на меня похожа.

Иван Иванович вдумчиво погрузился в «Механику» великих. Его заинтересовало определение абсолютно упругого тела. Папа нервно дернулся, а потом взглянул на меня осмысленно и сказал строгим голосом Калиостро: «Вы бесчестный человек, Маргадон!» На что я беззаботно ухмыльнулась, как и положено настоящей дочери подпольщика: «Был бы я честным, сколько б народу в Европе полегло — ужас!» И торжественно выплыла из комнаты, прихватив гитару.

Иван Иванович только сопел и вглядывался в «Механику» — он Калиостро не смотрел, он смотрел футбол. А папка меня простил, только тетрадку отобрал. Она до сих пор хранится у мамы, вместе с главными сокровищами нашей семьи — старой ножной машинкой «Зингер», фотографией прадеда в мундире с эполетами, и рецептами прабабушкиного бигоса. Вкуснее которого ничего я не ела на свете.

КАК Я ЛЕПИЛА ЛОШАДЬ

Снежную. На площади перед Русским музеем. В составе акции: «Три Александра». Первый Александр — это Невзоров, который все это безобразие на пленку снимал. Второй — это Пушкин, который каменным гостем в двух шагах это наблюдал. И третий, — он, собственно, Третий и есть. Которого лепили. На лошади. Копией Паолы Трубецкого.

Настоящий памятник Александру Третьему скульптора Трубецкого (не путать с декабристом!) стоял раньше на площади Восстания, тогдашней Знаменской. Но этого не помнят даже старожилы. Только частушка осталась: «Стоит на площади комод, на комодe бегемот, на бегемоте обормот, на обормоте шапка». Скульптура была пародийная. Диктатура пролетариата юмора не оценила и снесла царя на задворки Русского Музея. А главный наш акционер, культурный эколог Сережа Васильев, в просторечии Вася, решил-таки Трубецкого народу явить. Хоть так. В морозный мартовский день. Изваянием из снега.

Мне в грядущей акции отводилась серьезная и почетная роль: надо было отловить панкующего художника Маршала и привлечь в ряды акционеров. Потому что своими силами там было не обойтись: в резерве несколько томных фройляйн с факультета живописи, а у Паолы покойного был размах...

Маршала я ловила на живца — к акции обещал присоединиться армянский патриот Володя Атабекян с трехлитровой бутылкой домашнего самогона — чистой, как слеза,

«атабекяновки». Маршал прикинул на глазок количество акционеров — в основном, хрупких музейных барышень (плюс мы с подружкой Аней, а много ли выпьет маленькая муха?), альтруиста Васю, щедрого Атабекяна, — и согласился прийти.

А уже на площади этот коварный шантажист завопил, что на акцию согласен, только если ему дадут вылепить елду. Так и сказал, обалдевшему от неожиданности Невзорову. Бедняга едва камеру не выронил. Музейные барышни, тут же подскочив, визгливым фальцетом заорали: «Никакой елды, здесь культурное мероприятие! Ну представьте, — умягчающе, — что это кобыла!!» «У кобылы — никакой, — подумал и согласился Маршал, — но у царя-то есть! Вот ее и вылеплю. А не дадите — уйду».

Покрасневший от возмущения Вася замахал на нас варежкой, и акция началась. Лучшие из барышень с факультета живописи лепили фигуру царя. Маршал конструировал цареву голову, под чутким наблюдением Васи. Аня, с ее тонким художественным чутьем, отвечала за конскую морду. Мне, как абсолютному балласту, достался зад. Не подумайте, что царский. Музейные барышни глупо хихикали в объектив Невзорова и кланчили сигаретку. Статисты с крепкими плечами атлантов подносили снег.

А я честно этот снег утилизировала. Надо сказать, что в конских задах я не особо разбираюсь. Получилось у меня нечто кустодиевское. Как у купающейся Венеры. В бане. Со складочками. Мягкое, пухлое. Необъятное. Чудовищную сексуальность которого не мог скрыть даже призывно торчащий хвост. Что обидно, в «600 секунд» это так и не вошло. Наверно, из-за Васиного вопля: «Немедленно уберите этот кошмарный зад, пока сюда не сбежались все гомики из Каткиного садика!» Напротив, в Екатерининском саду, действительно, собирались люди яркие и нетрадиционные.

В итоге, снежное диво с изящной головой и ненормальной величины... эээ.. крупом... с царем посредине, увенчало скверик у Русского музея. Простояло недолго, то ли растаяло, то ли на сувениры растащили. А мне вlepили выговор по акционерной линии за срыв мероприятия: во-первых, за то, что привела хулигана Маршала (уже все забыли, как требовали настоящего панка! — а я ведь предупреждала, что он, как орангутан, — не ручной). Хотя Невзоров, увидев маршальский фиолетовый гребень, от восторга впал в ступор и про царя забыл. И про музейных девиц с их сигаретками. Наверно, за это мне и попало. А еще, — за то, что провокационно отвлекла внимание с лица скульптуры на ее тыл. «С таким знанием анатомии, — горестно вздохнул Вася, — только жопы из снега лепить».

А больше всех рассердился Маршал. Потому что хрупкие музейные девы, оказалось, пьют как звери. «С таким знанием психологии, — завопил обозленный панк, — только жопы из снега лепить!»

А вечером, сильно поредевшей после атабекяновки компанией мы у меня на Петроградской расписали пулю. Как обычно. Ну, а мой тогдашний бойфренд играл в преф как цыган: объявляет мизер в начале, а потом всю ночь отыгрывается. Надо ли говорить, что в этот раз ему приперла охота мизерить на моей сдаче. Открыл прикуп, и заорал, что мне с моими руками... а дальше участники уже хором dokonчили.

P.S. В бесконечных странствиях и переездах у меня утерялось главное доказательство этой правдивой истории: номер газеты «Час пик» со всеми нашими физиономиями вокруг лошади, на фоне Пушкина, и птичка вылетает... Физиономии были черно-белые, пока еще трезвые, молодые и очень куражные. Теперь таких не делают. В общем, если кто найдет в прошлом «Часа пик» этот газетный выпуск, свистните — я подпишу...

ДОМ НА ГАЛЕРНОЙ

Это бывший доходный дом купца Утина. Говорят, что построен по эскизам самого Монферрана. Стоит на Конногвардейском бульваре, фасадом, а спиной — на Галерной улице. В двух шагах от него (направо) Конногвардейский манеж и Исаакиевская площадь. Налево — Благовещенская площадь (бывшая Труда) и Новая Голландия. В квартале перед домом — Мойка, позади — Нева.

Чем знаменит? Ну, во-первых, здесь был Дом Молодежной Инициативы (то есть мы, хиппари, неформалы, митьки, диссиденты и лоботрясы, выбили под это дело у комсомольцев мастерскую, когда дом расселили и стоял он лет десять, никому не нужный). И был там у нас рукописный журнал, домашние концерты, в общем, «Зелёная лампа», и получили мы за это от бюрократов большой скандал и нервотрепку.

В итоге, нас выперли, и пошли мы, сирые и убогие, побираться по прочим странноприимным местам, а я в конце-концов добралась до соседнего полушария.

А дом стоял. И зажились там одни крысы, которые выживали только на каннибализме, размножаясь с опережением. Представляете, сколько там крыс за десять лет набралось? И вот — бей барабан, труби трубы, этот дом, доведенный торгашами до аварийного состояния, покупает Газпром для своего представительства за какие-то смешные деньги (такое в Петербурге практиковалось вовсю). И нанимает мою приятельницу Люду, реставратора-лепщика со всей командой на это дело. Мир тесен.

**Конец ознакомительного фрагмента.
Полную версию книги можно купить
на сайте издательства
www.skifiabook.ru**

ОГЛАВЛЕНИЕ

Дом у железной дороги	4
Что такое был сайгон, или преамбула для непосвященных.....	8
P.S. и о «глоссарии»:	15

ВИКТОРИЯ ВИНТЕР (ВИКША)

«Пруха или непруха?»	19
«Ты помнишь, как все начиналось?»	21
Короче чем у Веллера	24
Хабитус	26
Вингер, Декамерон и Иван Иванович	28
Как я лепила лошадь	32
Дом на Галерной	36
Коммунальное	39
Родом из детства	43
Рыжов и другие.....	48
Конечная остановка — Треугольник	52

БАНГИС СЧАСТЛИВЫЙ (А.Б.)

Юродивые города	59
Голод (не Гамсун)	65
Город, которого больше нет	71
Было время	85

НАТАЛИЯ ПОЛЯНСКАЯ-ТОКАРЕВА (МАТЬ НАТАЛИЯ)

Начало	91
Часть I. Персонажи	92
Часть II. На флэту	109
Часть III. На стриту	121

ИГОРЬ РЫЖОВ

Распад памяти	132
Что-то светлое.....	136
«Olivetti»	137
Наши битники	140
«Бомбы»	143
Болезнь №303	146
Последствия вредных привычек	154
Треугольник и окрестности	158
О дружбе	162
Леша Охтинский и Женя Джексон	163
Бэтмэн	166
Ленинградские кладбища	168
Деликатесы	172
Наши одежды	180
Форточки. «Караван мира»	183
Сказ о том, как Рыжов и Зямбра конями с Аничкова моста торговали	185
Наша милиция нас бережет.....	189
Про «это»	192
Песня о неразделенной любви к Родине	200
Мой город	203
Фотографии	206
...И в заключение.....	228
Информация об авторах	232

ОТ САЙГОНА ДО ТРЕУГОЛЬНИКА

<i>Ответственный редактор</i>	А. Ширяева
<i>Технический редактор</i>	О. Гражданкина
<i>Оригинал-макет и дизайн обложки</i>	П. Домбровский
<i>Корректор</i>	Ю. Жукова
<i>Главный редактор издательства</i>	И. Знаешев

*Редакция и авторы выражают сердечную благодарность всем, кто оказал помощь при подготовке этой книги:
Ольге Гражданкиной, Софье «Лоран» Хмельвой, Юлии Жуковой,
Павлу Домбровскому, Игорю Кучерову, Андрею Кудряцеву,
Андрею «Графу» Андрееву, Федору Добрикову,
Олегу «Патрику» Артемьеву, Руслану «Люмьеру».*

*В оформлении книги использованы рисунки
Елены Лузан (г. Иркутск) и Алексея Белокурова (Ангела).
«Мост» и «Городского кота» нарисовала Саша Черных, 9 лет.
Иллюстрации к рассказам Бангиса Счастливого сделаны
его первой женой Александрой Счастливой-Макаровой.
«Смерть пионерки» нарисовала Ольга «Мишель» Ясененко.
На 58 странице – рисунок Гаврилы Лубнина.*

Книги: от рукописи до тиража
изготовление и распространение
e-mail: skifiabook@mail.ru
www.skifiabook.ru

Подписано в печать 01.08.2012.
Гарнитура FrizQuadrata. Формат 60x90 $\frac{1}{16}$. Объем 15 усл. печ. л.
Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано в ООО «Контраст»
192007, Санкт-Петербург, ул. Воронежская, д. 27.